

Т. В. Мусиенко¹,
Н. Ю. Яргина²

СТРАТЕГИЯ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В КИТАЕ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ

Новый китайский национализм оформляется как влиятельная политическая сила к концу 1990-х годов. Характерной его чертой являются отсутствие в нем иррационального экстремизма, рационализм и определенная сбалансированность его позитивных и негативных аспектов. В связи с этим представляет интерес вывод Бена Хиллмана о преобладании конструктивной линии в стратегии современного китайского национализма и связанных с ней позитивных эффектов (обеспечение единства нации и формирование в общественном сознании гордости за свою национальную культуру).

Большинство аналитиков в качестве отличительной черты стратегии современного китайского культурного национализма отмечают его ориентированность на обеспечение национальной интеграции, национального единства, легитимности действующего политического режима и политической стабильности, с одной стороны, и нераспространение идей и принципов национализма на мировую политику и международные отношения — с другой³.

Приоритетность формирования национальной общности, характерная для стратегии нового культурного китайского национализма, связана с высоким уровнем фрагментации китайского общества и многообразием этнических групп, уровень интеграции которых в единую китайскую нацию существенно различается. Ряд этнических меньшинств весьма близок титулярной этнической группе хань, другие этносы существенно отличимы. Часть последних компактно расположена в стратегически значимых регионах вблизи государственной границы Китая, что создает предпосылки для расширения связей с международными террористическими группами и угрозу национальной безопасности Китая в частности и международной безопасности в целом.

Проведение правительством Китая политики уступок в рамках экономической и социальной политики в отношении национальных меньшинств не решает проблему напряженности, существующей в отношениях между центральной частью Китая и его отдельными провинциями, в которых сохраняется угроза как социально экономической, так и политической стабильности. Наиболее сильны

сепаратистские настроения этнических меньшинств, проживающих в таких провинциях, как Тибет, Хэнань, Внутренняя Монголия и Нинся.

Оценивая уровень национальной интеграции в Китае, современные аналитики отмечают определенный успех объединения на уровне создания эффективно функционирующего общенационального государства (Nation State)⁴.

Вместе с тем большинство исследователей склонны придерживаться точки зрения, что современный Китай — это пока лишь государство, ориентированное на формирование китайской нации.

Незрелость нации и неустойчивость интеграционных процессов в Китае подтверждаются активностью сепаратистских движений этнических меньшинств в провинциях Хэнань и Тибет, а также движением за независимость Тайваня. Для Китая проблема национальной интеграции сопряжена с выбором пути ее проведения: либо в рамках стратегий авторитаризма, либо посредством постепенной демократизации общества⁵.

Политика национальной интеграции, проводимая в Китае в рамках идеологии и стратегии культурного национализма, осуществляется, по сути, в соответствии с классической формулой Д. Ростоу о соотношении демократии и национальной интеграции. Модель демократического транзита Д. Ростоу разработана в соответствии с принципом «единство прежде демократии»⁶. Проводимая правительством современного Китая политика укрепления национальной идентичности как основы сохранения национального единства рассматривается аналитиками в качестве начального этапа, предшествующего полномасштабной демократизации⁷. В рамках современного политического анализа соотношения национальной интеграции и демократии в указанную концептуальную формулу вводится фактор глобализации.

Л. Ли обосновывает положение о многосторонности эффектов глобализации, ее влияния на процессы национальной интеграции и формирования национальной идентичности. Глобализация способствует экономической интеграции Китая и Тайваня, создавая тем самым условия для возможного их воссоединения.

⁴ Mackerras C. China's Minorities and National Integration // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 147–169.

⁵ Liew L. H., Smith D. The Nexus between Nationalism, Democracy and National Integration // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 15.

⁶ Rustow D. Transitions to Democracy: Towards a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 3. P. 337–363.

⁷ He B. China's National Identity: a Source of Conflict between Democracy and State Nationalism // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 170–195.

¹ Начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор.

² Ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии.

³ Cheng J., Ngok K. Chinese Nationalism and Sino-US Relations: the NATO Bombing of the Chinese Embassy in Belgrade // Nationalism, Democracy and National Integration in China. L.; N. Y., 2005. P. 85–104.

Вместе с тем эффекты глобализации могут иметь вектор, противоположный демократизации. Так, в условиях глобализации расширение экономических связей между провинцией Хэнань и родственными мусульманскими меньшинствами Центральной Азии не содействует укреплению национального единства Китая и его демократизации, а, напротив, укрепляет этническую идентификацию меньшинств, проживающих в этой провинции, провоцируя риски сепаратизма, этнических конфликтов и применения насилия с участием международных террористических организаций¹.

Проблема взаимоотношений Китая и Тайваня, рассматриваемая через призму определения национальной идентичности, является предметом специальных политических исследований². Общим в подходах к исследованию данной проблемы, на наш взгляд, является отнесение так называемого тайваньского национализма к типу политического национализма, в отличие от китайского, который рассматривается преимущественно как тип культурного национализма, включающего в качестве важной составляющей и политический (государственный) национализм.

Ни этничность, ни культура не являются факторами возникновения тайваньского национализма, который формируется на основе появления политической оппозиции правительству Китая, придерживавшейся линии авторитаризма и поддержки демократии. Данные ориентиры не являлись ни антиконфуцианскими (культурологический аспект), ни антиханьскими (этнический аспект). Политический по своему характеру национализм Тайваня стал результатом процесса формирования национальной идентичности в условиях политической модернизации и демократизации этого региона.

Тайваньский тип национализма Л. Ли и Д. Смит соотносят с концепцией креольского национализма Бенедикта Андерсона. Данный тип национализма характерен для населения колоний, имеющего религию, язык, традиции и обычаи, общие с культурой метрополии, но испытывающего в отношении этой страны ощущение отчужденности и страха угрозы оказания давления³.

Ряд исследователей, в частности Д. Линч, рассматривают тайваньский национализм как форму интеграции в глобальную (современную) культуру (Global or Modern Culture). Под глобальной культурой в данном случае понимается совокупность основных норм формирования современного национального государства, устанавливающих необходимость обеспечения рационализма, индивидуальной свободы, материального благосостояния, удовлетворенности институтами исполнительной и законодательной власти как условия их политической легитимности, развития рыночной экономики, формального закрепления принципа равенства граждан. Тенденция к интеграции Тайваня в глобальную культуру, полагает Д. Линч, не совпадает с целями и ориентирами стратегии современного китайского культурного национализма и оставляет открытой перспективу воссоединения Тайваня и Китая⁴.

Авторитаристская линия институционального осуществления процесса национальной интеграции в Китае существенно отдаляет интеграцию национальной куль-

туры Китая в глобальную (современную) культуру. Отсутствием современного содержания в современном китайском национализме обеспокоены многие аналитики. Признавая, что религиозный фундаментализм и агрессивность во многом не свойственны китайской цивилизации и ее культуре, они считают, что отсутствие в структуре нового китайского национализма такого важного компонента, как современный рационализм и сохранение нерационального эмотивизма, создает риск для возникновения элементов фундаментализма в форме идеи религиозной или цивилизационной исключительности китайского этноса (Exclusivist Elements), чреватой рисками потенциальных социальных импульсов насильственного характера⁵.

Сами китайские аналитики видят необходимость предотвращения угрозы распространения в идеологии и стратегии нового китайского культурного национализма идеи эксклюзивности и использования последней в качестве обоснования антизападной ориентации и закрытости (изоляция) как основы национального единства и идентичности.

Дж. Ю подчеркивает значимость для Китая стратегии современного национализма, открытого процессам глобальной модернизации. Характерный для стран демократического транзита конфликт национализма и модернизации в форме противостояния Западу, по мнению Дж. Ю, имеет место и в Китае. Преодоление данного конфликта предполагает понимание принципиального различия между модернизацией и вестернизацией.

Современный антивестернизм транзитных государств основан на рассмотрении модернизации как вестернизации. Данный стереотип сложился по причине распространявшегося стандарта восприятия успешной модернизации, прежде всего в западных демократиях.

Вместе с тем радикальное изменение глобальной ситуации во второй половине XX века показало, что, помимо западных моделей модернизации стран Западной Европы и Северной Америки, существуют и другие эффективные модели, подтвердившие свой конструктивный потенциал в рамках модернизации Японии, отдельных стран Восточной Азии, Южной Америки и Восточной Европы.

В западной модели модернизации выделяются американская, английская, французская, немецкая, северо-европейская модели, имеющие свою национальную специфику.

В условиях глобализации модернизация не обязательно означает конфликт с национализмом. Важнейшей целью стратегии современного национализма должно стать определение национальной модели модернизации со специфическими характеристиками, учитывающими особенности Китая. Это позволит усилить в структуре китайского национализма элементы современной идентичности — такие важные характеристики, как открытость и ориентация на интеграцию с процессами глобальной модернизации.

Основными недостатками нового китайского культурного национализма аналитики считают отсутствие базового политического содержания, прежде всего имеющего отношение к ценностям и нормам модернизации и демократии. Новый китайский культурный национализм с его системой ценностей, символов и норм культурной идентификации должен быть дополнен структурными компонентами, обеспечивающими современную политическую (демократическую) идентификацию с соответствующей системой ценностей и типом политической системы. Особый дискурс китайского национализма требует включения конструктивных элементов, отражающих ценность

¹ Liew L. H. Reaching Out To Taiwan, Keeping in Xinjiang : The Impact of Marketization and Globalization on National Integration // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 196–218.

² Chion C. L. Taiwan's Evolving Nationalism : Ideology for Independence // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 107–121; Lin C.-L. The Political Formation of Taiwanese Nationalism // Ibid. P. 122–144.

³ Liew L. H., Smith D. Op. cit. P. 14–15; Anderson B. Western Nationalism and Eastern Nationalism : Is There a Difference That Matters? // New Left Review. 2001. Vol. 9. P. 31–42.

⁴ Lynch D. Taiwan's Democratization and the Rise of Taiwanese Nationalism as Socialization to Global Culture // Pacific Affairs. 2002–2003. Vol. 4. P. 567–574.

⁵ Xu J. Intellectual Currents behind Contemporary Chinese Nationalism // Exploring Nationalisms of China : Themes and Contents. Westport ; Connecticut ; L., 2004. P. 27–40.

рыночных отношений, свободы, демократии, законности как сущностных элементов модернизации.

Таким образом, эффективность стратегии продвижения китайского культурного национализма как основы обеспечения стабильности и единства нации связывается с изменением структуры национальной идентичности и включения в нее элементов современного политического контента, обеспечивающего гражданскую национальную идентичность (Civic National Identity).

Очевидно, что перспектива реализации этой задачи означает формирование современного китайского национализма как имеющего в своей структуре компоненты политической (государственной и гражданской) идентичности, культурной и зависимой от них этнической национальной идентичности. Разработка стратегии продвижения культурного национализма представляет собой систему мер по блокированию этнического национализма, обеспечению национального единства, стабильности и безопасности.